

REPRESENTATION OF A HISTORICAL FIGURE IN A LITERARY TEXT: THE POETICS OF THE VERSE NOVEL *"THE RULER"* BY O.ABDURAZAKOV

Jayrona Behzodovna GOFUROVA

Lecturer, independent researcher

Samarkand Campus of the University of Economics and Pedagogy

Samarkand State University named after Sharof Rashidov

Samarkand, Uzbekistan

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЛИЦА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПОЭТИКА РОМАНА В СТИХАХ О. АБДУРАЗАКОВА «ПОВЕЛИТЕЛЬ»

Жайрона Бехзодовна ГОФУРОВА

Преподаватель, самостоятельный соискатель

Самаркандский кампус Университета экономики и педагогики

Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова

Самарканд, Узбекистан

TARIXIY SHAXSNI BADIY MATNDA TASVIRLASH: O'. ABDURAZAKOVNING "HUKMDOR" SHE'RIY ROMANI POETIKASI

Jayrona Behzodovna G'OFUROVA

O'qituvchi, mustaqil tadqiqotchi

Iqtisodiyot va pedagogika universiteti Samarqand kampusi

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti

Samarqand, O'zbekiston jayronagafurova17@gmail.com

<https://orcid.org/0009-0000-8361-1306>

For citation (iqtibos keltirish uchun, для цитирования):

Гофурова Ж.Б. Репрезентация исторического лица в художественном тексте: поэтика романа в стихах О. Абдуразакова «повелитель» // O'zbekistonda xorijiy tillar. — 2025. — 11-jild, № 6. — B. 296-313.

<https://doi.org/10.36078/1710323112>

Received: September 29, 2025

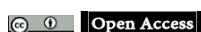
Accepted: December 17, 2025

Published: December 20, 2025

Copyright © 2025 by author(s).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution International License (CC BY 4.0).

<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Abstract. The article explores the poetic features of the historical verse novel *The Sovereign* (Hukmdor) by Uzbek poet Oraz Abdurazzakov, dedicated to the figure of Amir Temur. The focus is on the representation of a historical personality through artistic and aesthetic language, with special attention paid to genre-specific and stylistic mechanisms that combine chronicled authenticity with epic mythologization. The novel is structured around a poetic framework that integrates documentary foundations with imaginative interpretation, rich in allusions, cultural codes, and symbols of Eastern poetics. Amir Temur is portrayed not only as a statesman and military leader, but also as a national archetype embodying strength, justice, wisdom, and unity. The study analyzes the functioning of a symbolic system including epigraphs, rhetorical devices, and metaphors, which contribute to the construction of a multifaceted image of the ruler. It also touches on issues of intertextuality, allegory, and stylistic resonance with classical epic traditions. Special emphasis is placed on the epic, lyrical and narrative registers registers of the author's text, where history is reimagined as a mythopoetic narrative that serves both aesthetic and ideological purposes. The author concludes that the novel fulfills a dual function: as a literary work and as a cultural-political instrument that reinforces the image of Amir Temur as a symbol of national identity, historical continuity, and collective memory. Thus,

The Sovereign becomes a poetic dialogue between historical memory and national consciousness, bridging literary artistry with socio-cultural significance.

Keywords: historical novel; poetics; representation; Amir Temur; mythopoetics; cultural memory.

Аннотация. В статье рассматриваются поэтические особенности исторического романа в стихах «Повелитель» («Хукмдор») узбекского поэта Ораза Абдураззакова, посвящённого образу Амира Темура. Основное внимание уделяется репрезентации исторической личности средствами художественного слова, при этом акцент сделан на жанрово-стилистических механизмах, сочетающих хроникальную достоверность с эпической мифологизацией. Роман выстроен на поэтической структуре, которая объединяет документальную основу с образной интерпретацией, насыщенной аллюзиями, культурными кодами и символами восточной поэтики. Амир Темур представлен не только как государственный и военный деятель, но и как национальный архетип, воплощающий силу, справедливость, мудрость и единство. В исследовании анализируется функционирование системы символов, эпиграфов, риторических приёмов и метафор, способствующих созданию многогранного образа правителя. Также затрагиваются вопросы интертекстуальности, аллегории и стилистических переключек с классическим эпосом. Особое внимание уделяется эпическому и лирическому регистрам авторского письма, в которых история переосмысливается как мифопоэтическое повествование, служащее одновременно эстетическим и идеологическим целям. Автор приходит к выводу, что роман выполняет двойную функцию: как произведение литературы и как культурно-политический инструмент, закрепляющий образ Амира Темура как символ национальной идентичности, исторической преемственности и коллективной памяти. Таким образом, «Повелитель» выступает как поэтический диалог между исторической памятью и национальным самосознанием.

Ключевые слова: исторический роман; поэтика; репрезентация; Амир Темур; мифопоэтика; культурная память.

Annotatsiya. Maqolada o'zbek shoiri O'raz Abdurazzoqovning Amir Temur siyomosiga bag'ishlangan "Hukmdor" ("Povelitel") nomli tarixiy she'riy romanining poetik xususiyatlari tahlil qilinadi. Asosiy e'tibor tarixiy shaxsni badiiy vositalar orqali tasvirlash masalasiga qaratilgan bo'lib, bu borada xronikal haqiqatni epik mifologiyalash bilan uyg'unlashtiruvchi janr va uslubiy mexanizmlarga urg'u beriladi. Roman poetik tuzilishga ega bo'lib, unda hujjatli asos obrazli talqin bilan birlashgan; bu talqin sharqona poetik ramzlar, madaniy kodlar va alluziyalar bilan boyitilgan. Amir Temur faqat siyosiy va harbiy arbob emas, balki kuch, adolat, donishmandlik va birlikni mujassam etuvchi milliy arxetip sifatida tasvirlanadi. Tadqiqotda ramzlar tizimi, epigraflar, ritorik usullar va metaforalarning ishlashi tahlil qilinadi; ular hukmdor obrazining ko'p qirraliligini ta'minlaydi. Shuningdek, intertekstualilik, allegoriya va klassik epos uslubi bilan uslubiy uyg'unlik masalalari ham ko'rib chiqiladi. Muallif epik va lirik uslubdagi bayon tarixni mifopoetik rivoyat sifatida qayta talqin etishini ta'kidlab, badiiy va mafkuraviy vazifalarni birgalikda bajarishini ko'rsatadi. Xulosa qilib aytilishicha, "Hukmdor" romani ikki tomonlama funksiyani bajaradi: badiiy asar sifatida va Amir Temur obrazini milliy o'zlik, tarixiy davomiylik va kollektiv xotira timsoli sifatida

mustahkamlovchi madaniy-siyosiy vosita sifatida. Shu tariqa, ushbu asar tarixiy xotira va milliy o'zlik o'rtasidagi she'riy muloqotga aylanadi.

Kalit so'zlar: tarixiy roman; poetika; representatsiya; Amir Temur; mifopoetika; madaniy xotira.

Введение

Фигура Амира Темура, выдающегося военачальника и правителя, на протяжении столетий привлекает пристальное внимание историков и культурологов, а также служит неиссякаемым источником вдохновения для писателей. Его многогранная деятельность, включающая военные триумфы, политические преобразования и духовное наследие, предоставляет богатый материал для создания сложных и многоплановых художественных произведений.

Жирмунский в своей работе «Сравнительное литературоведение» [Жирмунский 1979:175] проводит параллель между Средней Азией XV века под властью Темуридов и ранним итальянским Возрождением (XIV — первая половина XV вв.), подчеркивая схожий уровень производственных и общественных отношений. Он считает, что победы Темура в противостоянии с Золотой Ордой и Османской империей были возможны благодаря тому, что он опирался на экономически развитый регион Мавераннахр, который на тот момент представлял собой наиболее передовой в социально-экономическом плане участок Переднего и Среднего Востока.

Амир Темура, более известный под именем Тамерлан, — легендарный завоеватель, чьи военные свершения сделали его имя широко узнаваемым. Вместе с тем длительное время общественное обсуждение его фигуры и деятельности было серьезно ограничено. Судьбы писателей Айбека и М. Шейхзаде, а также трагическая история Ибрагима Муминова, который в 1968 году опубликовал брошюру «Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии», наглядно демонстрируют сложность и противоречивость отношения к этой исторической личности. В указанной брошюре, говорится, что «своеобразный патриотизм и своеобразный взгляд на общественно-социальные события привели Тимура — умного, деятельного, искусного военачальника — к власти, когда ему было всего 25 лет» [Муминов 1968: 3].

Роман Ораза Абдуразакова «Повелитель» (2016) представляет собой необычную форму исторического нарратива — роман в стихах, в котором рассказывается о ранних годах жизни Амира Темура и его пути к власти.

Как рассказал Ораз Абдуразаков, идея впервые пришла 20 лет назад — в год празднования 660-летия со дня рождения Амира Темура: «Это было время открытия Музея Темуридов, время массового издания литературы о великом историческом деятеле. Появился целый пласт современных писателей, пишущих о нем, были

изданы книги современников Амира Темура, современников его сыновей и внуков, в том числе оба варианта “Зафар-наме”».

Композиционно произведение разделено на пролог и пять глав, охватывающих период с середины 1360-х до 1370 года — от Грязевой битвы 1365 года под Чиназом до курултая в Самарканде, провозгласившего Темура верховным правителем Турана. Такое построение придаёт роману чёткий хронологический каркас: автор следует основным этапам биографии героя, последовательно изображая ключевые эпизоды борьбы за власть. Хронотоп произведения укоренён в реальной исторической географии — действием охвачены города и степи Мавераннахры (Средняя Азия XIV века), включая Самарканд, Кеш (Шахрисабз) и др., а историческое время детализировано вплоть до конкретных дат сражений. Подобная конкретика создаёт эффект достоверности, недаром рецензенты отметили, что автор «не жертвуя хронологической достоверностью» сумел воплотить исторический материал в поэтической форме. Действительно, реальные события и лица: от нашествия войск Могулистана хана Туглук-Тимура до самаркандского движения сарбадаров — точно соответствуют известным из летописей фактам. Через такой продуманный хронотоп роман выполняет функцию «погружения в эпоху Амира Темура», создавая ощущение подлинности изображаемого мира.

Основная часть

С обретением независимости узбекские писатели получили свободу для исследования прошлого и прославления национальных героев. Среди наиболее ярких художественных воплощений образа Амира Темура — роман-эпопея Мухаммада Али «Амир Темур Великий». Мухаммад Али создал целую серию эпических произведений, включая «Джахангир Мирза», «Умаршайх Мирза», «Мираншах Мирза» и «Шахрух Мирза». Роман «Сарбадары» (1989), состоящий из двух частей, служит своего рода введением к этой масштабной эпопее. Автор умело сочетает историческую точность с художественной условностью, используя такие приемы, как мифологизация, психологический анализ и символизм. Амир Темур в его изображении — это не только исторический деятель, но и сложная личность, постоянно находящаяся в состоянии внутреннего конфликта, что раскрывается через внутренние монологи, диалоги и метафорические образы. Анализ того, как мифопоэтика, интертекстуальность и историческая реконструкция обогащают восприятие этих произведений как культурного явления, является важной задачей. Творчество Мухаммада Али, таким образом, является уникальным вкладом в развитие узбекской прозы и исследование универсальных вопросов власти, справедливости и памяти. Присутствие деталей, таких как элементы архитектуры, атрибутика, характерные для эпохи костюмы и оружие, усиливает реалистичность повествования. Например, в сценах совещаний при дворе Темура Али уделяет внимание тому, как лидер создает вокруг себя атмосферу уважения и подчинения: «Темурбек молча слушал

присутствующих, их души тоже тревожили сомнения...» [Али 2013:7].

Следует выделить труд Джона Э. Вудса — монографию «Династия Тимуридов», где автор восстанавливает происхождение и исторический путь тимуридского рода, учреждённого среднеазиатским завоевателем Тамерланом. В работе детально исследуется обширная семья Тимура и её роль в поддержании власти в Иране и Центральной Азии до тех пор, пока династию не сместили шейбаниды из чингизидского племени, а также рассматривается установление власти Бабура в Индии [Woods 1990].

Роль самого Тамерлана и его преемников в мировой истории остаётся далеко не до конца раскрытой. В своей книге «После Тамерлана: расцвет и падение мировых империй, 1400–2000» Джон Дарвин утверждает, что ряд крупнейших империй — от Тамерлана и Османской державы до империи Великих Моголов, маньчжуров, Британской империи, Японии, нацистской Германии и Советского Союза — по замыслу их создателей должны были существовать вечно, но в итоге потерпели крах. Тем не менее, как показывает Дарвин, именно эти имперские проекты сформировали мир, в котором мы живём сегодня. От смерти Тамерлана в 1405 году до превращения США в глобальную сверхдержаву и экономического возрождения Китая и Индии — «После Тамерлана» — представляет собой масштабный исторический очерк, предлагающий новый ракурс на прошлое, настоящее и возможные траектории будущего империй [Darwin 2007].

При изучении исторических романов необходимо обращать внимание на то, как сам жанр влияет на наше восприятие времени и построение сюжета. Михаил Бахтин, анализируя развитие эпоса и романа, отмечает, что эпопея изображает историю как нечто законченное и самодостаточное. В ней отдельные эпизоды могут восприниматься как самостоятельные единицы, не требующие четкого начала и конца. История в эпопее предстает как последовательность событий, которые могут быть расположены в любом порядке, не теряя при этом своей целостности. Бахтин подчеркивает, что эпопея не ставит целью охватить всю историю, поскольку ее структура позволяет выделять ключевые моменты и передавать их значимость без необходимости линейного повествования. Он пишет: «Эпопея равнодушна к формальному началу, может быть неполной. Абсолютное прошлое замкнуто и завершено как в целом, так и в любой своей части. Поэтому любую часть можно оформить и подать как целое. Всего мира абсолютного прошлого не охватить в одной эпопее, трудно охватить даже сколь угодно значительный отрезок его. Но в этом и нет беды, ибо структура целого повторяется в каждой части, и каждая часть завершена и кругла, как целое. Можно начать рассказ почти с любого момента, и можно кончить его почти на любом моменте» [Бахтин 1975: 459].

Жанр стихотворного романа обуславливает особые художественные приёмы. В основе повествования лежит эпический десятистишный стих (одическая строфа), близкий к классическим

восточным формам. Текст написан строгим размером: каждая строфа состоит из десяти строк, причём две заключительные строки связаны отдельной рифмой. Автор выдерживает эту сложную форму на протяжении всех 173 строф, что роднит «Повелитель» с традицией восточных поэм. Действительно, подобно классическим дастанам Навои и Джами, роман О. Абдуразакова оформлен стихотворно, с богатой звуковой и ритмической организацией. Звуковая инструментовка и рифмы служат смыслу. Например, в описании битвы под Чиназом аллитерации и грохочущие сочетания согласных передают шум сражения: «*Нахмурившись, сходились облака, / ...И битвы гром среди долины грянет*» [Абдуразаков 2016: 7]. Здесь глагол «грянет» и скопление звуков «р», «г», «н» буквально воспроизводят раскат грома и лязг оружия на «поле брани». Подобным же образом в сценах боя используются метафоры стихий: грозовые тучи и молнии уподобляются сходящимся войскам и ударам сабель. Эти художественные параллели возвышают конфликт до космического масштаба, придавая сражениям оттенок эпической судьбоносности.

Смена перспективы и речевые особенности также заслуживают внимания. Авторский рассказ носит в целом третье лицо, эпически отстранённый характер, что соответствует жанру хроники: повествователь нередко комментирует ход истории, заранее указывая на значение событий. Так, уже в прологе голос рассказчика отмечает решающую роль сильной власти для охваченной междоусобицами страны и предвосхищает исход борьбы: «Наша история начинается 22 мая 1365 года, когда армии Мавераннахра и Могулистана сошлись в смертельном противостоянии...» [Абдуразаков 2016: 4]. Однако внутри этого объективированного фона повествование регулярно сменяет фокус между различными персонажами и уровнями действия. В ряде эпизодов читатель словно переносится в лагерь противника или в круг придворных: автор описывает, к примеру, суеверный страх монгольских воинов перед громом и бурей во время Грязевой битвы, то есть показывает событие глазами противоборствующей стороны. Включены и документальные голоса эпохи: в тексте появляются послания и речи, стилизованные под язык XIV века. Так, перед решающим сражением приведено красноречивое послание хакана Могулистана, обращённое к самаркандскому султану и переданное через послов, — с витийством, титулатурой и формулами в духе средневековых хроник. Подобные вставные речи и письма придают полифоничность повествованию, создавая эффект присутствия разных точек зрения и оживляя исторический колорит.

Особенно выразительна прямая речь персонажей, сквозь которую раскрываются их характеры. Речь Темура и его соратников в поэме отличается афористичностью, краткостью и твёрдостью — не даром сам герой говорит, что «*плох воин, растерявшийся в бою, / Достоин казни — избежавший боя*» [Абдуразаков 2016: 14], осуждая малодушие. Эта фраза, брошенная Темуром после неудачной атаки, — типичный пример риторической максимы, которой автор наделяет своего героя. Через лаконичные, суровые реплики (часто в форме

вопроса или повеления) проявляется идеология романа: культ смелости, чести, воинской решимости. Риторические приёмы — вопросы, восклицания, обращение к соратникам — используются для нагнетания драматизма. В тексте есть образцы вдохновляющих военных воззваний: в кульминации битвы Темура обращается к войску, призывая сражаться до последней капли крови: «— *Теперь пришло и наше время, братья, / Погибнуть в битве недругам назло! ... Бейтесь смело — / Пусть каждый воин прогремит как гром, / А после бездыханным ляжет телом*» [Абдуразаков 2016: 20]. Эта речь, полная пафоса и метафор (воин «прогремит как гром»), перекликается с традицией боевых кличей и одновременно усиливает героический миф о непобедимом полководце, предпочитающем смерть позору.

Для языкового стиля романа характерно сочетание высокого эпического слога с вкраплениями историзмов и восточных терминов. Автор щедро употребляет чагатайские и арабско-персидские титулы и понятия (их значения разъяснены в обширных сносках и глоссарии): читатель погружается в лексику эпохи: упоминаются *амиры* и *нойоны*, *майданы* и *кошун*, звучат почётные титулы (*валиахад*, *джахангир*, *Гураган*), религиозные реалии (*хадж*, *Азраил*). Все эти речевые детали формируют стилизованный исторический колорит и подчёркнуто архаизированный тон повествования, придающий тексту академическую серьёзность и ощущение соприкосновения с эпохой Темура.

Риторическая стратегия автора проявляется и в композиции образов и символов. О. Абдуразаков широко использует эпиграфы. Каждая глава предваряется цитатой из классиков Востока (Алишер Навои, Хосров Дехлеви, Саади, Фирдоуси) или современных поэтов Востока (к примеру, эпиграф из стихотворения узбекского поэта Абдуллы Арипова). Эти эпиграфы задают философский настрой глав. Так, слова Навои «*Когда свой меч заносит небосвод, // Он равно злым и добрым зло несёт*» вынесены в начало повествования, предупреждая о трагической природе всякой войны. Тем самым автор сразу вписывает историю Амира Темура в широчайший морально-философский контекст. В финале же, после заключительной главы, звучит торжественный панегирик в адрес героя, где повествователь уже от собственного лица воздаёт хвалу Темуру. Последние строки романа обращены непосредственно к великому эмиру: «*Амир Темура, ты славу превознёс / До поднебесья древнего Турана — // Да будет устлан тысячами роз / Ковёр земли у ног Сахибкирана!*» [Абдуразаков 2016: 104]. Здесь чувствуется откровенно одическая интонация; автор использует гиперболы («тысячами роз») и высокий стиль, формируя мифологизированный образ Темура как идеального «властелина мира» (*джахангира*). Таким образом, на уровне художественной стратегии роман сочетает хроникальную точность с эпическим пафосом: строгая документальность событий переплавлена в легенду, призванную прославить героя.

«Повелитель» занимает особое место на стыке двух традиций — европейской (русской) исторической прозы и восточного эпического повествования. Произведение продолжает линию классического

исторического романа, восходящую к XIX—XX вв., через такие примеры, как романы А. Толстого и В. Пикуля. С другой стороны, форма и пафос «Повелителя» явно перекликаются с наследием восточных поэм (дастанов) Навои, Джами и их предшественников. Сравнение с этими группами произведений позволяет выявить общие черты и оригинальные особенности романа О. Абдуразакова.

В русской литературе XX века жанр исторического романа достиг своего апогея в советский период, когда он стал инструментом художественной интерпретации прошлого через призму официальной идеологии. А. Н. Толстой, создавая эпопею «Пётр Первый» в 1930-е годы, фактически сформировал канон советского исторического романа. Его произведение отличается тщательной реконструкцией эпохи Петра Великого: в тексте воссозданы и придворные сцены, и повседневная жизнь низов, при этом образ царя-реформатора предстаёт героизированным. В художественном замысле Толстого образ Петра выполнял ярко выраженную идеологическую роль — критики отмечали намеренные параллели между Петром I и тогдашним лидером (Сталиным), а роман воспринимался как «эталон исторического романа в духе соцреализма» [Толстой 2025].

Автор фактически оправдывал через образ Петра «слом традиционного общества любой ценой» и насильственную модернизацию страны [<https://vrnlib.ru/tolstoj-a-n-pyotr-pervyj/-:~:text=%D0%92>], вписывая своего героя в контекст социалистической идеологии. Валентин Пикуль, один из самых популярных советских писателей второй половины XX века, также внёс значительный вклад в жанр исторической прозы. Его романы («Баязет», «Слово и дело», «Фаворит» и др.) и исторические миниатюры были нацелены на массового читателя, сочетая увлекательность сюжета с обилием фактов. Стиль Пикуля характеризуется динамичным повествованием, приключенческой интригой и подчёркнутой героизацией исторических личностей, при сравнительно некритичном отношении к источникам. Его произведения нередко романтизируют прошлое, рисуя выдающихся государственных деятелей в ореоле славы, иногда в ущерб исторической сложности характеров.

На этом фоне роман «Повелитель» одновременно созвучен и противопоставлен упомянутым образцам. Подобно А. Толстому и В. Пикулю, О. Абдуразаков сосредоточивает сюжет вокруг яркой личности правителя, через которую показаны ключевые события эпохи. Как и советские авторы, он подходит к фигуре героя с позиции восхищения и идеализации: Темур на страницах романа выступает в качестве национального лидера, наделённого высшими добродетелями — справедливостью, мудростью, отвагой. Можно сказать, что героизация образа сопоставима с романами В. Пикуля: Темур, подобно героям Пикуля, изображён прежде всего как легендарная личность, «оплот Ислама и гроза монголов», хранитель заветов предков (как прямо говорится о нём в тексте). При этом О. Абдуразаков идёт дальше по пути мифологизации: если Пикуль всё же писал в жанре прозаического романа, то «Повелитель» своей стихотворной формой сближает образ героя с героем эпического

эпоса, выходя за рамки реалистической манеры. В отличие от прозы Толстого или Пикуля, в поэме сознательно отсутствуют бытовые подробности и психологизм в классическом смысле: персонажи возвышены до символов. Темур у Абдуразакова не столько противоречивый живой человек, сколько эпический герой, наделённый чертами идеального правителя. Эта особенность роднит «Повелителя» скорее с героями легенд и народных преданий, нежели с психологически разработанными образами А. Толстого. В то же время заметно и влияние европейского подхода: автор показывает внутреннюю драму Темура, его тяжёлое бремя ответственности. Подобно тому как Лион Фейхтвангер изображал властителей в своих романах трагическими фигурами, несущими крест власти, О. Абдуразаков подчёркивает двойственность героя: Темур — возвышенный правитель, но и человек, подверженный сомнениям и переживаниям. Таким образом, «Повелитель» соединяет в себе черты советско-российского исторического романа (идея государственной миссии героя, историческая панорама событий) с приёмами эпического возвышения, уходящего корнями в мифопоэтику.

Ещё более явно уникальность поэмы проявляется в сравнении с восточной исторической прозой и поэмами прошлых веков. В литературе Востока сложилась многовековая традиция отражать историю в жанре эпических дастанов, поэм, хроник, где реальные деяния государей переплетались с легендарно-мифологическими мотивами. Алишер Навои (1441–1501) и Абдурахман Джами (1414–1492) — классики восточной литературы, творившие при дворах тимуридских правителей, в своих произведениях нередко обращались к образам великих завоевателей древности, переосмысляя их с позиций гуманизма и морали. Так, Навои посвятил Александру Македонскому обширную поэму «Стена Искандера» («Садди Искандари», 1485 г.), в которой творчески переработал легенды, почерпнутые у предшественников (Низами, Хосров Дехлеви, а также из «Шахнаме» Фирдоуси и даже предания Корана). Этот синтез исторических хроник и фантастических сюжетов позволил А. Навои создать образ идеального правителя-философа: его Искандер не только воин, но и мудрец, справедливый царь, покровитель наук и искусства [Навои 1985: 4]. А. Джами в поэме «Искандер-наме» из цикла «Семь престолов» (1485) аналогично изображал Александра в духе исламской этики, показывая торжество знания и справедливости. В целом для восточной классической литературы характерна аллегоричность и дидактизм при изображении исторических лиц: хроникальная фактология служила основой, но сверх неё выстраивался идеальный, назидательный образ героя, призванный утвердить вечные ценности.

Роман «Повелитель» явно наследует этой традиции. Сам автор через уста персонажей отождествляет Темура с героями древности: недаром эпитафией к одной из глав избраны строки поэта Хосрова Дехлеви «*Народу своему коль дашь себя ты в дар, / Запомнит на века тебя и млад, и стар*» [Абдуразаков 2016: 23], намекающие на бессмертие славы правителя, служащего своему народу. В тексте Темур неоднократно сравнивается с великими героями прошлого: его

именуют «Сахибкиран» (властелин счастливой звезды), традиционным титулом, который в мусульманской историографии применялся к полководцам уровня Чингиз-хана или Александра. Более того, художественные средства, использованные автором (образ солнца, орла, бурь, опоясывающих Темура), близки к изобразительно-символическому ряду восточных эпосов, где правитель уподобляется небесным светилам и стихийным силам. Этим подчёркивается его внеличный, почти космический **статус**: черта, роднящая «Повелитель» с жанром легенды. Однако О. Абдуразаков вводит и элементы, сближающие его роман с современной литературой: язык произведения — русский (хотя насыщенный восточной лексикой), и само обращение к фигуре Темура продиктовано актуальными национальными идеями. Тем самым «Повелитель» является по сути точкой пересечения европейской и восточной традиции. Если провести культурные аналогии, то можно сказать, что роман в стихах для узбекской литературы выполняет функцию, схожую с ролью «Шахнаме» для персов или «Петра Первого» для советских людей: он создаёт эпический миф о государе, одновременно опираясь на факты истории и возводя героя на пьедестал народного идеала.

Появление романа «Повелитель» в 2016 году следует рассматривать как часть более широкого процесса переоценки фигуры Амира Темура, начавшегося после распада СССР. В советский период отношение к Темуру (Тамерлану) было, как правило, сдержанно-негативным: официальная историография и культурная политика обычно сводили его образ к роли жестокого завоевателя или феодального деспота, а порой и вовсе умалчивали его значение. Упоминания о Темуре ограничивались перечислением кровавых походов, без акцента на его государственно-строительную деятельность. Такой образ «палача и захватчика» укоренился во многом под влиянием идеологических догм, не вписывавших средневекового эмира-завоевателя в пантеон «прогрессивных» исторических деятелей.

Однако с обретением независимости Узбекистана в 1991 году отношение к Темуру кардинально изменилось. В постсоветской культуре Амир Темура был возведён в ранг национального героя и символа возрожденной государственности. По инициативе первого президента И. А. Каримова начался процесс масштабной реабилитации и героизации образа Темура. Уже к середине 1990-х годов фигура Сахибкирана стала центральной в официальном историческом нарративе страны. В 1996 году 660-летие со дня рождения Темура было проведено как общенациональное торжество под эгидой ЮНЕСКО: в центре Ташкента установлен конный памятник Амиру Темуру, открыт Государственный музей истории Темуридов, организована международная конференция, переизданы его «Уложение» и хроника Шараф ад-Дина Йазди «Зафар-наме», учреждены орден и фонд Амира Темура [Хасанов 1997: 13]. В официальных речах и публикациях того времени подчёркивалось, что имя Темура должно вдохновлять народ, служить источником национальной гордости, спланировать нацию вокруг идеи сильного

государства. Фактически образ Темура был пересоздан как мифический прародитель узбекской государственности, олицетворение единства, силы и справедливости. Такая мифологизация имела важное политико-культурное значение: через фигуру великого эмира новая элита транслировала обществу ценности национального возрождения, преемственности с героическим прошлым и мощной централизованной власти.

После краха коммунистической системы посткоммунистические общества стали искать новые смысловые ориентиры — и Центральная Азия здесь не исключение.

С 1991 года в большинстве стран региона утвердились авторитарные режимы, а правящие элиты получили непропорционально широкий доступ к ресурсам знания и возможность решать, как и когда эти ресурсы использовать. Монография Салли Каммингс «Символизм и власть в Центральной Азии: политика зрелищности» — первая работа, сосредоточенная на Центральной Азии, не только расширяет наше понимание происходивших преобразований в этом геополитически значимом регионе, но и вносит вклад в более широкие исследования репрезентации, ритуалов, власти и идентичности [Cummins 2010: 98].

Литература и искусство постсоветского Узбекистана откликнулись на этот социальный запрос появлением множества произведений о Темуре. Были созданы исторические исследования, публицистика, документальные и художественные фильмы, живописные полотна. В художественной литературе образ Темура также получил новое звучание — уважительное и возвеличенное. Роман «Повелитель» — один из ярких примеров этого времени. Он не случайно посвящён памяти первого президента Узбекистана Ислама Каримова, инициировавшего «ренессанс» темуридской темы. По сути, книга стала художественным отражением государственной идеологии периода независимости. В ней Темур изображён исключительно в ореоле положительных коннотаций: как освободитель родной земли от иноземных захватчиков, мудрый объединитель разрозненных земель Мавераннахра и создатель порядка. Автор сознательно акцентирует те аспекты биографии героя, которые созвучны современному патриотическому нарративу: борьба за свободу родины, установление справедливой власти, покровительство религии и культуры. Напротив, темы, способные бросить тень на образ (масштабные завоевательные походы, сопряжённые с жестокостями), фактически выведены за скобки повествования. Как прямо указывается в предисловии, книга «не о покорении стран и народов, а о том, как на просторах Мавераннахра вырос колосс, неподвластный бушующим... волнам монгольского нашествия». Тем самым героический миф о Темуре подчёркнуто национализирован: главный подвиг героя — спасение и возвышение собственной земли. Остальные стороны его деятельности (в том числе противоречивые с точки зрения морали завоевания чужих стран) либо игнорируются, либо периферийно упоминаются в нейтральном ключе. Например, финал романа фиксируется на

моменте триумфа 1370 года – провозглашения Темура правителем, но не затрагивает последующие военные кампании в Персии, на Кавказе, в Индии, которые могли бы вызвать у читателя двойное отношение. Таким образом, мифологизация и героизация образа Амира Темура в постсоветской литературе достигаются не только прославлением деяний героя, но и отбором исторического материала в соответствии с идейной задачей. О. Абдуразаков показывает Темура как идеального правителя и национального героя — образ, уже не отягощённый бывшими идеологическими штампами, но наделённый чертами рыцаря-освободителя и мудрого собирателя земель. В этом отношении «Повелитель» созвучен другим произведениям постсоветской эпохи, переосмысляющим ключевые фигуры истории через призму национальной гордости. Можно упомянуть, к примеру, исторические романы узбекских писателей М. Али, Б. Ахмедова, где также наблюдается возвышенно-героическое изображение Темура и его потомков, или драматические пьесы, ставящие его в центр сюжета. Все они формируют новый культурный миф Амира Темура: не кровожадного завоевателя, каким он предстал ранее, а великого государя, принёсшего стране славу и могущество.

Джастин Мароззи в книге «Меч ислама и завоеватель мира» утверждает, что Тамерлан, наследник монгольских традиций Чингисхана, наряду с Александром Македонским относится к числу величайших завоевателей, хотя детали его биографии на Западе остаются почти неизвестными. Мароззи описывает, как, опустошая и одновременно реставрируя населённые пункты Центральной Азии, Тамерлан постепенно упрочил жёсткую власть и распространил утончённые культурные элементы на территории от азиатских степей до сирийских берегов. Автор прошёл по дорогам этого грозного правителя Самарканда и создал книгу, сочетающую академическое исследование и путевые заметки: в ней он тщательно воссоздаёт путь этого печально известного и в то же время загадочного завоевателя, рисуя образ жестокого, образованного и неукротимого воина [Marozzi 2004: 203].

Беатрис Форбс Манц в своей работе обращается к истории Ирана периода правления тимуридского правителя Шахруха (1409–1447) как к материалу для исследования взаимоотношений власти и общества на средневековом Ближнем Востоке. Автор воссоздаёт живую картину иранского общества в его богатом разнообразии: здесь и сама династия с приближёнными, и городская элита с провинциальными правителями, и религиозные круги — улемы и суфии [Manz 2007].

Эдвард Гиббон (1737–1794), известный своим трудом по истории Римской империи, совершил экскурсии в историю Западной Европы и Восточного Средневековья и уделил внимание личности Амира Тимура. В частности, он писал, что «жить в памяти и жить с почтением и уважением потомков» было мечтой его благородного сердца... Его обеты (речь, очевидно, идёт о «темуровских установлениях») оставались для Европы в значительной мере чуждыми. Гиббон выражал удивление по поводу того, как «Амир

Тимур поднялся с простого титула до власти над всей Азией» [Гиббон 1888: 170].

Амир Тимур встречается и в капитальном труде Фридриха Шлоссера (1776–1861) «Всеобщая история». В своих сочинениях Шлоссер описывает Амира Тимура как выдающуюся личность, в творчестве которой сочетаются дух демократии и нравственного просвещения, а также «тактические и стратегические знания». По Шлоссеру, Амир Тимур дал своей «новой державе» порядки и законы [Шлоссер 1876:503].

Автор знаменитой «Всеобщей истории» Георг Вебер подчёркивает, что, как полководец, правитель и законодатель, Амир Тимур обладал великим талантом; он не был лишён любви к науке, покровительствовал учёным и художникам и в этом смысле был умиротворённым правителем. Амир Тимур «превосходил Баязида (султана Османов) и как человек, и как правитель»; (Вебер отмечает, что) тот (Баязид) думал лишь о завоеваниях и пренебрегал управлением, оставив всё на распоряжение жадных, развращённых и корыстных вельмож [Вебер 1887: 541].

По заключению В. В. Бартольда, Амир Темур «внешне проявлял уважение к богословам..., не вмешивался в управление имуществом духовенства, заботился о соблюдении его подданными религиозных норм и правил... Однако военное и гражданское управление было почти полностью основано на светских законах». По его словам, в условиях положения населения Средней Азии и существования множества враждебных мелких владетелей иное управление было невозможно [Бартольд 2023: 79].

Возвращаясь к произведению О. Абдуразакова, можно отметить, что одним из важных вопросов при анализе «Повелителя» является проблема соотношения исторической правды и художественного вымысла, а также идеологической интерпретации прототипа. О. Абдуразаков, опираясь на богатый фактический материал, стремится сохранить максимальную верность известным источникам — хроникам и исследованиям о Темуре. В тексте упоминаются конкретные исторические персонажи (амиры Казаган, Хусейн, Ильяс-Ходжа, предводители сарбадаров Абдураззак Байхак и Абу Бакр Келеви и др.), события (интриги в Чагатайском улусе, нашествие Туглук-Тимура, сражения 1365 и 1366 гг., походы на Балх, курултай 1370 г.). Эта документальная основа сближает роман с летописным жанром. Как отмечала доктор исторических наук Д. Юсупова, автор сумел «описать в поэтической форме этап становления правителя, передав детали жизни и быта того времени» [Абдуразаков 2016: 105], то есть создал вполне осязаемую историческую реальность эпохи. Действительно, в «Повелителе» мы находим множество конкретных бытовых и культурных деталей: описаны воинские обычаи кочевников, упомянуты элементы вооружения (сабли, доспехи), обряды (например, сцены чтения намаза перед боем), социальные институты (курултай, порядок наследования власти). Всё это свидетельствует о внимательном изучении автором исторических источников. Из списка литературы к роману видно, что автор обращался к классическим хроникам

тимуридской эпохи, прежде всего «Зафар-наме» Шараф ад-Дина Йазди [Шараф ад-Дин 1988], а также к трудам современных историков. Таким образом, исторический прототип — реальный Тимур в целом угадывается за художественным образом: основные факты биографии сохранены, канва событий достоверна.

Однако целью автора был не академический труд по истории, а именно художественная интерпретация. Поэтому в текст вводится значительный пласт вымысла, который служит для идеализации и символизации образа. Мы видим, как реальная история преобразуется по законам эпического жанра. Например, психологические мотивировки и диалоги героев являются, разумеется, плодом авторского воображения. Хроники не передают нам подробностей переживаний Темура, тогда как в романе ему приписаны определённые мысли, сомнения, эмоциональные реакции (сцены ночных размышлений героя перед решающими битвами и т.п.). Эти вымышленные внутренние монологи позволяют раскрыть Темура как личность думающую, способную к самоанализу, что приближает его к читателю и делает более человечным. В то же время через них автор вкладывает в уста героя современные представления о государстве и долге.

Например, рассуждения о единстве страны, о решимости бороться за свободу до конца, отражают в том числе идеалы самого автора и его эпохи. Художественный вымысел проявляется и в эффектных символических сценах: описания грозы, внезапно разразившейся во время битвы 1365 года, которая рассеяла войска врага, или финальный эпизод, когда после победы герой видит знамение небес. Эти эпизоды хотя и основаны на известии летописцев (дождь действительно способствовал исходу сражения под Чиназом), но в романе доведены до уровня художественного символа: как будто сама природа встала на сторону Темура. Понятно, что такая интерпретация выходит за рамки строгой истории и принадлежит именно области мифотворчества.

Важнейший аспект — идеологическая ангажированность образа. Любое историческое произведение несёт на себе печать времени, когда оно создано, и идеалов, которыми руководствуется автор. «Повелитель» не исключение: образ Амира Темура здесь очевидно сконструирован в русле национально-патриотической идеологии независимого Узбекистана. Это проявляется и в отборе тем (как отмечалось, акцент на освободительной миссии героя, умолчание о завоеваниях), и в характере оценки персонажа. О. Абдуразаков не просто рассказывает о прошлом. Он явственно воспекает Темура, делая его носителем тех ценностей, которые важны для современного автора. По сути, образ героя приобретает черты архетипа национального лидера: он отважный воин, но одновременно справедливый правитель, милосердный к покорённым (в тексте приводятся эпизоды великодушия. Например, пощада самаркандских сарбадаров), веротерпимый и покровитель ученых и поэтов (в финале звучит мотив объединения страны и расцвета культуры под эгидой Темура). Все эти штрихи соответствуют официальному образу Темура, восстанавливаемому в постсоветской

историографии как «справедливого и просвещённого правителя, создателя централизованного государства». Подобный подход оправдан задачами автора — создать целостный героический миф, который служил бы источником вдохновения. В результате в романе сформирован многослойный образ: с одной стороны, конкретно-исторический (соответствующий фактам биографии Темура), с другой — идеализированный до символа. Темура предстает и реальной исторической фигурой, и одновременно художественным символом определённых ценностей — силы, порядка, национального единства.

Отметим, что подобный синтез факта, вымысла и идеологии свойствен многим выдающимся историческим романам. Ещё М. М. Бахтин писал, что в жанре исторического романа «историческая достоверность и художественная условность сливаются в единое целое» [Бахтин 1975: 401], а литературный образ властителя всегда отражает не только прошлое, но и взгляды автора и общества на природу власти. В «Повелителе» эта мысль подтверждается: О. Абдуразаков посредством поэтической формы сумел слить документальную хронику с мифопоэтическим пафосом. Его роман можно расценивать как своеобразный культурно-политический акт: воздавая дань великому предку, автор одновременно актуализирует национальную память и формирует образ, созвучный современности. Недаром в заключительных строках поэмы говорится о «единстве солнечного края», которое «крепнет сквозь столетия после курултая»: явный намёк на преемственность между эпохой Темура и сегодняшним днём Узбекистана. Тем самым мифологизированный образ Сахибкирана выполняет функцию культурного кода, транслирующего аудитории ключевые ценности: верность Родине, единство народа, сильная государственная власть, покровительство культуре и вере.

Заключение

Роман «Повелитель» О. Абдуразакова — уникальное явление на пересечении истории, литературы и идеологии. Продолжая линию как европейского исторического романа, так и восточного эпоса, автор создал оригинальное произведение, где образ Амира Темура стал мостом между прошлым и настоящим, между фактом и мифом. С одной стороны, перед нами тщательно реконструированная историческая картина Мавераннахра XIV века — с реальными событиями, датами, колоритными деталями, что опирается на солидную источниковедческую базу. С другой стороны, через поэтическую форму и систему художественных образов Темура возведён в ранг легендарного героя, символа эпохи. Композиция, хронотоп и стиль романа служат этой двойной задаче: строгая композиционная структура и хроникальная точность укореняют повествование в истории, тогда как эпический стих, метафоричность и риторика возвышают тон до мифологического. В результате образ правителя приобретает многослойность: он одновременно

исторически конкретен и вне историчен, личностно индивидуален и обобщён до архетипа.

«Повелитель» демонстрирует, как литература постсоветского Узбекистана интегрирует национально-исторический миф в художественную форму. Роман можно рассматривать и как дань традиции (он обращается к формам и приёмам классической восточной поэзии), и как новаторский эксперимент (ведь исторические романы в стихах — чрезвычайно редкое явление в мировой литературе). Значение этого произведения выходит за рамки сугубо литературные: оно способствует укреплению национальной идентичности, переосмыслению исторической памяти. Образ Амира Темура, предстающий в книге, выполняет роль своеобразного знака эпохи — через него передаются ценностные ориентиры, важные для современного узбекского общества. Таким образом, роман Ораза Абдуразакова — не только художественное повествование о прошлом, но и мифопоэтическая реконструкция великой исторической личности, призванная увековечить её в сознании потомков. Совмещая черты европейского историзма и восточной эпичности, «Повелитель» обогащает литературную летопись о Темуре, вписывая его образ в пантеон героев культуры и подтверждая мысль о неразрывной связи исторического факта и художественного вымысла в освоении прошлого.

Использованная литература

- Бартольд В.В. Тамерлан Эпоха. Личность. Деяния. — Т.: Гураш, 1992. — 542 с.
- Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. — М.: Художественная литература, 1975. — 401 с.
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — Москва: Худож. лит., 1975. — 502 с.
- Вебер Г. Всеобщая история. — М., 1887. Т. VIII. — С. 541–549.
- Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи/ перевод с англ. В.Н. Неведомского. Ч. VII. — М.: Изд-во К.Т.Солдатнекова, 1888. — С. 170-172;
- Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. — Ленинград: Наука, 1979. — 497 с.
- Муминов И. Роль и место Амира Темура в истории Средней Азии // — Ташкент: Фан, 1968. — 45 с. Режим доступа: <https://oldevrasia.ru/>
- Хасанов Б. *Амир Темура в истории и культуре Узбекистана*. — Ташкент: Изд-во им. Чулпан, 1997.
- Шараф-ад-Дина Али Йезди. Зафар-наме / Пер. с перс. Е. А. Поляковой // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. — Ташкент: Фан, 1988. — С. 148-160.
- Шлоссер Ф. Всемирная история. — СПб., 1876. Т. III. — С. 503-504.

Cummings S. N. (ed.). *Symbolism and Power in Central Asia: Politics of the Spectacular* / Sally N. Cummings (ed.). — London: Routledge, 2010. — 260 p. — ISBN 9780415575676.

Darwin J. *After Tamerlane: The Rise and Fall of Global Empires, 1400–2000* / John Darwin. — London: Allen Lane (Penguin), 2007. — 574 p. — ISBN 0141010223.

Manz B. F. *Power, Politics and Religion in Timurid Iran* / Beatrice Forbes Manz. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — XVII, 313 p. — ISBN 0521865476.

Marozzi J. *Tamerlane: Sword of Islam, Conqueror of the World* / Justin Marozzi. — Boston, MA: Da Capo Press, 2004. — 480 p. — ISBN 030681465X.

Woods J. E. *The Timurid Dynasty* / John E. Woods. — Bloomington: Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies (Papers on Inner Asia, №14), 1990. — 61 p.

Источники

Абдуразаков, Ораз. Повелитель: роман в стихах / О. Абдуразаков. — Ташкент: Академнашр, 2016. — 112 с.

Али Мухаммад. Амир Темур Великий. Роман-эпопея. Книга первая. Джахангир мирза // «Звезда Востока», 2013, 3-й выпуск.

Навои А. *Садди Искандари* (Стена Искандера). — Пер. с чагат. В. Державина. — Ташкент: Фан, 1985.

Пикуль В. *Слово и дело*. — М.: Советский писатель, 1989. — 587 с.

Толстой А.Н. *Пётр Первый*. — М.: Художественная литература, 1983. VRNLIB.ru. — Режим доступа: <https://vrnlib.ru/tolstoj-a-n-pyotr-pervyi/> (дата обращения: 14 сент. 2025).

References

Bartol'd, V. V. (1992). *Tamerlan. Epokha. Lichnost'. Deianiia* [*Tamerlane: Epoch. Personality. Deeds*]. Gurash.

Bakhtin, M. M. (1975a). *Formy vremeni i khronotopa v romane* [*Forms of time and chronotope in the novel*]. Khudozhestvennaia literatura.

Bakhtin, M. M. (1975b). *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniia raznykh let* [*Questions of literature and aesthetics: Studies of different years*]. Khudozhestvennaia literatura.

Veber, G. (1887). *Vseobshchaia istoriia* [*Universal history*] (Vol. 8, pp. 541–549). Moscow.

Gibbon, E. (1888). *Istoriia upadka i razrusheniia Rimskoi imperii* [*The history of the decline and fall of the Roman Empire*] (V. N. Nevedomskii, Trans.; Pt. 7, pp. 170–172). Izdatel'stvo K. T. Soldatenkova.

Zhirmunskii, V. M. (1979). *Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad* [*Comparative literary studies: East and West*]. Nauka.

- Muminov. (1968). *Rol' i mesto Amira Temura v istorii Srednei Azii* [The role and place of Amir Temur in the history of Central Asia]. Fan. <https://oldevrasia.ru/>
- Khasanov, B. (1997). *Amir Temur v istorii i kul'ture Uzbekistana* [Amir Temur in the history and culture of Uzbekistan]. Izdatel'stvo imeni Chulpan.
- Sharaf-ad-Din Ali Yazdi. (1988). *Zafar-name* [Zafarnama] (E. A. Poliakova, Trans.). In *Materialy po istorii Srednei i Tsentral'noi Azii X–XIX vv.* (pp. 148–160). Fan.
- Shlosser, F. (1876). *Vsemirnaia istoriia* [World history] (Vol. 3, pp. 503–504). Saint Petersburg.
- Cummings, S. N. (Ed.). (2010). *Symbolism and power in Central Asia: Politics of the spectacular*. Routledge.
- Darwin, J. (2007). *After Tamerlane: The rise and fall of global empires, 1400–2000*. Allen Lane.
- Manz, B. F. (2007). *Power, politics and religion in Timurid Iran*. Cambridge University Press.
- Marozzi, J. (2004). *Tamerlane: Sword of Islam, conqueror of the world*. Da Capo Press.
- Woods, J. E. (1990). *The Timurid dynasty*. Indiana University, Research Institute for Inner Asian Studies.

Sources

- Abdurazakov, O. (2016). *Povelitel': roman v stikhakh* [The Ruler: A novel in verse]. Akademnashr.
- Ali Muhammad. (2013). *Amir Temur Velikii. Roman-epopeia. Kniga pervaiia. Dzhakhangir mirza* [Amir Temur the Great. Epic novel. Book one. Jahangir Mirza]. *Zvezda Vostoka*, (3).
- Navoi, A. (1985). *Saddi Iskandari (Stena Iskandera)* [Saddi Iskandari (The Wall of Alexander)] (V. Derzhavin, Trans.). Fan.
- Pikul', V. (1989). *Slovo i delo* [Word and deed]. Sovetskii pisatel'.
- Tolstoi, A. N. (1983). *Petr Pervyi* [Peter the First]. Khudozhestvennaia literatura. <https://vrnlib.ru/tolstoj-a-n-pyotr-pervyj/>